

дельные фразы (напр.: «А фолиантом смело можно было назвать его достопримечательный протокол за его почтенные размеры»—стр. 153) непомерно тяжелы.

Книжка Мистлера — вполне добросовестное, в общем, изложение последнего слова гофманианы. Автор ведет рассказ по Гарику (Э. Т. А. Гофман, «Жизнь художника», два тома, Эрфурт, 1920 г.), дополняя его ценнейшими биографическими разработками Ганса фон-Мюллера. Портят книгу легкомысленность, болтливость и какое-то типичное для нынешней французской литературы плоское скудоумие, непременно с низкопробным «юмором», непременно желающее открывать Америки. Мистлер посвящает книжку Жану Жироду, презирает «романические биографии» и пишет биографию, построенную, очевидно, на «проникновении в творческую душу». Там, где излагаются факты, дело идет вполне гладко. Там, где начинаются концепции, — чепуха, идеалистические бредни. Книгу издавать по-русски имело много меньше смысла, чем издавать Моруа. Во всяком случае следовало бы снабдить ее статьей, устанавливающей социальные факты, лежащие в основе гофмановского творчества, и примечаниями, опровергающими вторские концепции. Толковой биографии Гофмана по-русски нет. Книжка Мистлера может быть принята за подлинную биографию Гофмана и тем опасна.

Бэрнэ Анри—«СКОЛОПЕНДРА». Пер. с франц. О. Н. Анненковой, Мол. Гвардия. 1929 г. 174 стр. 1 рубль. Тираж 7 000 экз.

Молодой французский ученый Мартэн Боннардель открывает во время экспедиции к Северному полюсу гору, откуда с легкостью можно извлечь огромное количество платины. Сам он погибает в этой экспедиции, но герметически закупоренную бутылку, заключающую в себе тетрадь с подробным описанием местонахождения горы, он успевает бросить в море.

Бутылку, как это водится в подобных случаях, прибывает к берегу, и она падает в руки к шведу Педерсену, который решает снарядить экспедицию. Некий изобретатель Мортрайль, гений и чудак высокой пробы, изобретает аппарат, названный им «Сколопендрой», обладающий способностью с одинаковой легкостью передвигаться по суше, по льду и под водой, проделывать самые фантастические манипуляции, да к тому же еще поднять 60 тонн чистой платины. Далее следует описание экспедиции; охотники за платиной действительно находят ее, но затем, спа-

сая свою жизнь, вынуждены бросить ее в морскую пучину. Книга претендует на звание научно-фантастического романа и задается целью «учить, развлекая».

Такого рода намерения, если только они не осуществляются с большим художественным мастерством, обречены по большей части на неудачу. Рецензируемая книга являет собой прекрасный образец пользования тем методом сочинительства «популярно-научно-фантастических» романов, который мы с полным правом могли бы назвать «лоскутным методом». Для этого выводят обычно какого-нибудь ученого — в данном случае молодого натуралиста Морзье (он же — переодетая дочь трагически погибшего Мартэна Воннарделя), который «все знает» и является ходячим «полярным словарем».

Рассказ идет своим чередом, и вот, где-нибудь, в подходящем месте, высоко-ученому мужу Морзье задают какой-нибудь вопрос, касающийся то ли географических данных Гренландии, то ли прежних полярных путешественников, и Морзье дает подробнейший ответ. Рассказ продолжает развиваться дальше, опять Морзье ставят вопрос, он опять дает обстоятельный ответ и т. д. Совершенно очевидно, что подобный «литмонтаж» вряд ли способен достичь намеченной цели. Те, кому научные сведения должны быть преподнесены в подслащенных пилюлях, сочтут эти «научные приложения» излишними и обойдут их вниманием. Научная беллетристика может быть оправдана только тогда, когда она способна обе составные части — науку и беллетристику — спаять органически в одно целое.

О фабуле мы тоже не можем отозваться одобрительно. По стародавним рецептам развивается интрига, введены различные приключения, заново подогрета романтика, нет недостатка и в юморе, который преподносится сразу двумя действующими лицами, есть и торжество справедливости, — а все вместе бледно, пресно и скучно. О таких же нескромных требованиях, как, напр., классовый подход, вообще уже говорить не приходится. Весьма посредственная, бесталанная, подражательная и бесполезная книга.

Бэрн Донн—«ДОМ ПАЛАЧА». Роман. Пер. с англ. М. Волосова, с предисл. И. Звавича. М. сква. «Зиф». 1929 г. 325 стр. 1 р. 90 к. Тираж 5 000 экз.

Т. Звавич в предисловии уверяет нас, что «подлинная тема романа Бэрна — его многострадальная родина Ирландия», что «впечатление, правда, ослабе-

вает вследствие изрядно (?!) шаблонного характера любовной интриги, но и самый ненаблюдательный читатель легко подметит, что не в этой интриге дело». Что делать! Пусть нас причислят к ненаблюдательным, но именно этого мы и не заметили. Очень немногое узнаешь из этой книги о борьбе Ирландии за свое освобождение. Зато чрезвычайно много места отведено в ней такого рода любовной интриге, которую можно было бы определить как «скачку с препятствием на пути к брачной ночи». Двое любят друга друга, но из кожи лезут вон, чтобы отсрочить свое бракосочетание по крайней мере до 20-го листа романа. Обыкновенные люди с нормальным мышлением разрешили бы всю эту проблему без особых осложнений, но мягкосердечные герои подобных романов помогают авторам выбирать из затруднительного положения, и если даже оно и будет приведено в порядок, они тем не менее сумеют измыслить себе новые затруднения.

Все главные персонажи принадлежат к «сливкам» ирландского общества, а потому автор и описывает и обращается с ними чрезвычайно любовно. Интерес они представляют лишь постольку, поскольку в своем джентльменском поведении они хотя и невольно, но с должной убедительностью демонстрируют собственное ханжество, ограниченность и тупость.

Еще хуже обстоит дело с «революционностью» героев. Профессиональный революционер — обворожительный парень, подлинный герой, каким его рисует мещанская фантазия, подпольщик, имеющий такое же представление о нелегальной работе, как пишущий эти строки о литье колоколов.

Роман изобилует описаниями природы, охотничьими и спортивными сценами и т. д. Написанные красочно и сильно, они, тем не менее, не властны исправить общее тягостное впечатление от романа. Книга скучна, местами вызывает досаду утомительной, поддельной, лживой «революционностью» и скучной, пыльной, надуманной интригой; читатель испытывает истинное удовлетворение, когда на 325 стр. Коннаут и Дермат наконец счастливо достигают своей цели.

Русские и мировые классики. Адам Мицкевич. Избранные произведения. Переводы русских поэтов. Вступительные статьи А. В. Луначарского и А. К. Виноград ва Гиз, М.—Л. 1929. 316 стр. 2 р. Тираж 4 000 экз.

Адам Мицкевич — даже в подлиннике — не полностью издавался в царской России. Переводы его стихов немно-

численны и только один раз были объединены в собрание сочинений. Тем важнее дать подлинного Мицкевича.

Оставим в стороне то, что центральная поэма Мицкевича «Пан Тадеуш» приведена в отрывках; что боязнь показать католицизм Мицкевича довела до исключения из «Конрада Валленрода» 22 стихов (гимн св. Духу из 2 части «Выборов»); что подбор наличных стихотворений своеобразен (так, например, при включении юношеского «Первоцвета» не включен «Памятник» *wizyta pana Franciszka Grzymaly*); что нет образца прекрасной прозы Мицкевича.

Замысел книги — переводы русских поэтов. Диапазон — от Пушкина до Н. Берга. Здесь Майков, Фет, Бунин, А. К. Виноградов и, наконец, Сергей Соловьев, делавший переводы, очевидно, специально для данного издания. Замысел этот порочен по самой своей природе: перевод, сделанный поэтом, по существу своему есть не перевод, но адотация. Подлинник переходит в иную поэтическую систему, он разрушается, служит лишь возбудителем (раздражителем) для стихотворения, создаваемого поэтом переводящим. Поясняем примерами.

Баллада Мицкевича «Дозор» (*Czaję*) носит подзаголовок «Баллада украинская» (здесь — циклизация: «Будрыс» — баллада литовская, «Ренегат» — баллада турецкая). Писан «Дозор» той же трехрифменной строфою (где первая и вторая, семисложные, единицы рифмуют меж собой, третья — с шестой, а четвертая с пятой, причем рифмы сплошь женские), что и «Будрыс и его сыновья» (точнее — «Три Будрысовича», *T trzech Budrysów*). Баллада эта переведена Фетом и переложена Пушкиным. В книге второй текст (53—54). Пушкин строит на той же схеме рифм хореическую строфу (т. е. сочетает восьмисложные стихи с семисложными), заменяет сухой анапестического типа стих Мицкевича, построенный на том, что парные рифмы образуют одну строку, лирически взволнованной шестистрочной строфой. Иная эмоциональная тональность пушкинского стихотворения (лишенного точного географико-бытового приурочения) ведет к 1) исключению мест «уточняющих» (между 4 и 5, 6 и 7 и после 7 строф пушкинского текста) и 2) убыстрению фабулы (8 строфа 11—2 строфы Мицкевича). Результат — из 14 строф Мицкевича убыло 3. При этом: трагический конец у Мицкевича — 1 строфа, у Пушкина — 2. Мицкевич заканчивает: «Казак навел, прицелился, не дожидаясь выстрела, и угодил в самый лоб воеводе». У Пуш-